

Mekhasanda — Buddhist Monastery in Pakistan serveyed in 1962—1967
Ed. Seiichi Mizuno. Kyoto University, 1969.

Около полутора столетий назад в музеи Европы поступили первые образцы той удивительной каменной скульптуры из Северо-Западной Индии, которая получила наименование «гандхарской» по древнему названию области ее открытия. Ныне произведения гандхарского ваяния исчисляются уже многими тысячами, причем число их все возрастает. Но если вначале извлечение гандхарских рельефов и статуй составляло едва ли не самоцель, породив ажиотаж хищнических раскопок и спекуляций, то со временем в изучение гандхарского художественного наследия *in situ* включается ряд серьезных ученых, поставивших цель провести археологические исследования тех памятников буддийской культуры на территории Гандхары, которым принадлежит эта скульптура.

К числу недавних работ такого рода относятся раскопки буддийского комплекса Мекхасанда в Пакистане, проводившиеся в 1962, 1963 и 1967 гг. Научной экспедицией по Иранскому плато и Гиндукушу, Киотского университета (Япония) под общим руководством проф. Сейичи Мизуно. Итоги исследований уже получили отражение в монографии «Мекхасанда» (Киото, 1969), текст которой подготовлен тремя участниками археологических раскопок — Накао Одани, Кайи Нишикава и Сейичи Мизуно. Текст изложен параллельно на двух языках — японском и (с некоторым сокращением описательной части) английском (стр. 79—96), что делает его доступным для широкого круга читателей. Книга снабжена отличными иллюстрациями, в числе которых чертежи (планы и разрезы зданий, таблицы керамики, отдельные предметы) и многочисленные фотографии, общие виды комплекса и его отделы, архитектурные детали, скульптура, все основные археологические находки.

Открытие и первичное обследование буддийских рун Мекхасанды связано с поездками А. Кеннингхэма (1870, 1872 и 1873 гг.), а частичные раскопки — с работами А. Фуше (1895—1897 гг.), который извлек ряд превосходных скульптур, переданных в музей Гиме в Париже. С тех пор сохранность памятника значительно ухудшилась.

Мекхасанда — это, собственно, название горы, расположенной в 1,5 км от современного селения Шахбаз-Гархи в провинции Мардан на северо-западе Пакистана, перенесенное исследователями и на руины буддийского монастыря, лежавшего на его вершине. Еще А. Кеннингхэм обосновал отождествление округи Шахбаз-Гархи с районом местонахождения одного из четырех крупнейших городов Гандхары, упоминаемым Сюан-Цзаном под названием Полуша (Po-li-sha) — места, где в древности развевывались события «Висвантара-джатаки». А. Фуше полагал также, что буддийская руина на горе Мекхасанда соответствует мемориальной ступе, воздвигнутой здесь царем Ашокой (III в. до н. э.). Однако работы японских археологов не обнаружили здесь материалов более ранних, чем время Великих Кушан.

Авторы рецензируемой монографии, отмечая, что в Гандхаре существовало две категории буддийских монастырей (одни — расположенные в открытых долинах или прямо в черте городов, другие же — в удаленных и изолированных местах, чаще всего в горах), подчеркивают, что к числу последних принадлежал и монастырь Мекхасанда. Экспедиция осуществила здесь широкие (и нелегкие — если учесть, что пришлось разбирать нагромождения камней, порою огромных размеров) вскрытия основного ансамбля сооружений. Установлено, что он включает двор с центральной ступой, вокруг которого расположены молитвенные залы, кухни, трапезные и небольшие *вихара* (в данном случае этим термином авторы обозначают отдельные группы помещений для проживания монахов). Главную ступу окружают меньшие по размерам. Все ступы сохранились лишь на уровне своих прямоугольных пьедесталов, цилиндрико-сферическая часть их разрушена. Все расчищенные раки (shrines) для хранения реликвий оказались разграбленными.

Ступы и стены помещений выведены характерной для гандхарского строительства сложной кладкой — из глыб скатанного или рваного камня, плоских плит и с внутренней забутовкой щебенки на глине. Камень — местных пород — в основном сланец, но в более поздних постройках употреблен также пористый известняк. Путь ритуальных обходов — *прадакшина* и лестницы выложены крупными плитами сланца.

В облицовку ступ входил архитектурный и скульптурный декор, выполненный из камня (серого, либо черного шифера) или из штукатурки. Лишь немного сохранилось на месте — в большинстве случаев этот декор найден в завалах: он явно еще в древности был сбит и сброшен куда попало. Это обстоятельство почти лишило исследователей возможности воссоздать какие-либо целостные композиции.

В составе каменных скульптурных фрагментов преобладают образы будд и бодисатв, чаще всего сидящих под арочками, многочисленны также фигуры из декоративных композиций — носители гирлянд, атланты, животные. Среди фрагментов из штукатурки (преимущественно маломасштабных) помимо тех же образов нередки также изображения земных и небесных почитателей Будды, монахов, демонов и др.

В большом числе получены фрагменты керамики. Как правило, они просты по формам и включают характерные сосуды скромного монастырского обихода — широкогорлые горшки (в частности, горшки для сбора подаяний), миски, подставки, светильники. На шести черепках оказались фрагменты надписей, начертанных еще до обжига сосуда знаками курсивного *кхарошти*. Один из них содержит имя Будхамитры в родительном падеже (т. е. сосуд «принадлежит Будхамитре», либо «дар Будхамитры»).

При раскопках обнаружено 9 монет — по одной Канишки, Хувишки, Васудевы I и четыре мелких номинала из группы подражаний чекану Васудевы I. Кроме того, найдена одна монета кушано-сасанидского типа с изображением головы царя вправо на одной стороне и алтаря огня — на другой. Алтарь этот раннего типа, такой же, как в чекане Ардашира I, корона же царя не идентична ни одной из царских корон, но вместе с тем напоминает корону Пероза, сына Ардашира I, управлявшего при Шапуре I

Хорасаном. Изобразительные детали позволяют датировать данную монету временем около середины III в.

В заключение авторы излагают обоснованную археологическими наблюдениями последовательность создания отдельных построек комплекса. Далее предлагаются их датировки: более раннюю группу, связанную с центральной ступой, «двориком ступ» и прилежащими помещениями японские ученые относят к эпохе Великих Кушан, помещая это сооружение в пределах 150—250 гг., а более поздние — ко времени «Малых Кушан», между 250—350 гг. Последней датой возможного существования монастыря они считают примерно 450 г.

Если возведение первоначальной группы памятников при Канишке и дальнейшее расширение комплекса при его преемниках сомнений не вызывает (даже оставляя в стороне проблему абсолютной хронологии Великих Кушан, связанную с дискуссией об «эре Канишки», за каковую японские ученые, очевидно, принимают 144 г.), то определение последующих дат в истории Мекхасанды представляется спорным.

На чем основывают авторы аргументацию периода 250—350—450 гг.? На некоторых вариантных различиях упомянутых мелких монет из группы подражаний Васудеве I, на применении в оформлении части ступ каменного, а на других — штукowego архитектурного декора и, по-видимому, на находке где-то в округе Мекхасанды монеты Кидары (она приведена лишь в японском тексте — см. рис. на стр. 63).

Рассмотрим эти аргументы в обратном порядке. Находка монеты Кидары, правившего в Гандхаре после разгрома, понесенного им в Бактрии в 456 г., лишь свидетельствует, что жизнь в Полуша в эту пору еще не угасла, но к монастырю эта монета отношения не имеет. Считая применение штука в пластических облицовках указанием на сравнительно позднюю датировку, авторы явно следуют вошедшему в литературу мнению (Дж. Маршалл, Б. Роуланд и др.), согласно которому гипсовый штук характерен в основном для поздней скульптуры Гандхары, а в архитектурном декоре он появляется здесь при Сасанидах. Однако в свете недавних исследований устанавливается, что в античный период на всей территории от Бактрии и до Гандхары начная с греко-бактрийского периода и до Кушанской эпохи включительно имело место параллельное развитие скульптуры в камне, штукe и глине, с преобладанием в северо-западных районах глины и гипса, а в юго-восточных — камня и гипса.

Что касается монет — подражаний чекану Васудевы, то они обращались в течение нескольких десятилетий после распада государства Великих Кушан на его территории, когда в силу упадка экономики в денежном хозяйстве царил разноразнобой и медная разменная монета мельчала, сменяя бывшие полновесные экземпляры, и не имела уже ни стандартного веса, ни размеров. Но, разумеется, некоторые метрические отличия четырех монет из Мекхасанды еще не дают оснований раздвигать их датировку почти на столетие (250—350 гг.). Примечательно другое — находка в том же уровне археологических завалов монастыря монеты, близкой к чекану Пероза, сына Ардашира I, которую авторы вполне убедительно датируют временем около 250 г. Думается, что завоевание Гандхары Сасанидами как раз и могло послужить причиной гибели (возможно и разграбления) монастыря Мекхасанды, существование которого прекращается в III в. Другое дело, что в лежавшем в долине городе жизнь могла функционировать еще и до пришествия в середине V в. кидаритов, но установить это смогут лишь будущие археологические исследования вокруг Шахбаз-Гархи.

Раскопки Мекхасанды приближают нас к познанию гандхарского ваяния II—III вв., хотя исследователи памятника и воздерживаются от стилистического анализа скульптур и горельефов, поскольку почти все они найдены сбитыми и перемещенными с мест. В их составе есть подлинные шедевры — такова голова бодисатвы (табл. 37, 3), выполненная в традициях классицизирующего стиля, есть и более рядовые произведения, в числе которых, однако, немало выразительных образов (особенно в цикле почитателей Будды). Очень важно, что японские ученые не ставили себе целью пополнить скульптурные коллекции, а разносторонне подошли к общearchеологическим задачам, воссоздавая по сохранившимся остаткам один из интересных буддийских комплексов эпохи Кушан. Можно, пожалуй, упрекнуть их лишь в том, что прекрасно бы-

полненные чертежи вскрытых памятников ограничиваются передачей архитектурных остатков. Так, на разрезах показаны стены, полы, детали облицовок, но нет археологического заполнения помещений в его стратиграфических напластованиях, которые обрисовывают картину, их бытия, упадка и разрушений.

Впрочем, гораздо важнее подчеркнуть не то, чего в монографии нет, а то, что в ней есть. А есть немало, и специалисты должны быть прежде всего благодарны авторам за столь быстрое опубликование свежих данных по археологии и искусству Гандхары (раскопки завершены в 1967 г., а уже в 1969 г. выходит в свет капитальная монография). Как часто — увы! — археологи годами и десятилетиями придерживают полученные ими материалы, ревниво не подпуская к ним никого! Авторы «Мекхасанды», опубликовав обширный и целостный комплекс объектов зодчества, вааяния, культа, ремесла, быта из древнего буддийского монастыря, предоставили возможность его осмысления широкому кругу историков культуры, археологов, искусствоведов, проявив тем самым ту щедрость отдачи, которая составляет достойную черту подлинных служителей науки.

Г. А. Пугаченкова